

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1.0

Н.В. Гончарова

А.В. НИКИТЕНКО КАК ТЕОРЕТИК РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ БИБЛИОТЕКИ ПРОФЕССОРА)

Рассматривается процесс становления взглядов А.В. Никитенко в области теории литературы. Основы его теоретических и эстетических позиций формировались в 1820–1830-е гг., в период смены строя литературы и эстетики. Материалы библиотеки показывают, что во время обучения А.В. Никитенко в университете шел серьезный процесс усвоения им нормативной риторики и классической поэтики, а также отталкивания от них в соответствии с передовыми идеями того времени.

Ключевые слова: теория словесности; нормативная риторика; классицизм; поэтика; философская эстетика; А.В. Никитенко.

Александр Васильевич Никитенко (1804–1877) – профессор словесности Санкт-Петербургского университета, историк литературы и цензор. В условиях переходного периода от схоластической риторики XVIII в., используя зарубежные и отечественные наработки, он сам создавал курсы по теории и истории литературы, а также философии языка. Его теоретические и историко-литературные труды долгое время оставались актуальными и оставили след в развитии литературоведения и языкознания. Он участвовал в полемике по вопросам критики, народности в литературе, обсуждении положений реалистического движения «Натуральной школы». Основы его взглядов формировались в 1820-е гг., когда зарождалось «своеобразное явление русской мысли, которое можно назвать философской эстетикой» [1. С. 4]. В данной статье предпринята попытка проследить на материале личной библиотеки А.В. Никитенко процесс усвоения и отталкивания от нормативной риторики и классицистической поэтики под влиянием идей философской эстетики и философского осмысления явлений языка.

А.В. Никитенко с 1824 по 1829 г. учился в Санкт-Петербургском университете, а затем, с 1830 г., преподавал в нем политическую экономию и одновременно – русскую словесность в Екатерининском институте. Воплощением основных позиций в теории словесности Никитенко периода обучения стала его Вступительная лекция 1832 г., когда он в качестве адъюнкта у профессора П.А. Плетнева начал преподавать русскую словесность в Санкт-Петербургском университете. Фонд библиотеки А.В. Никитенко, хранящийся в Научной библиотеке Томского университета, представляет собой собрание книг по всем отраслям гуманитарных наук и отражает довольно широкие взгляды своего владельца. В ней содержатся множество изданий художественной литературы XVIII и XIX вв., прижизненные издания русских классиков и ранние переводы западных философов и эстетиков. Начальным этапом для профессиональной деятельности Никитенко стало усвоение работ по риторике и теории словесности. В книжном собрании сохранился целый корпус текстов, по которым можно проследить, как складывались его представления об этой науке.

Общеизвестно, что термин *словесность* появился в XVIII в., когда М.В. Ломоносов впервые определил систему словесных наук, переработав те руководства по

риторике и витийству, которые существовали на Руси с XVII в. [2. С. 209, 210]. Ломоносовым были заложены классические традиции словесности как науки, которая включала риторику, ораторию и поэзию. Кроме того, он решает проблему необходимости создания общероссийского языка. Вопрос о становлении словесности приводил ученого к вопросу о происхождении слова, к проблеме языка и мышления.

Ломоносов принял во внимание достижение логико-философского подхода западноевропейского языкознания, идущее от философской грамматики Порта. Ее авторы К. Лансло и А. Арно полагали, что «языки различаются лишь формами, конструкциями и звуками, а общее логическое содержание у них одинаковое» [3. С. 15]. В основу всеобщей грамматики была заложена попытка проникнуть вглубь языковых явлений, привить философский подход к словесным наукам. Таким образом, М.В. Ломоносов заложил основу философии языка, определил характер и методы решения проблем русского языкознания [4. С. 137]. Всего полвека отделяло эпоху М.В. Ломоносова от времени деятельности А.В. Никитенко, и вопрос становления русской словесности был одним из актуальнейших. Для Никитенко достижения Ломоносова были очень значимы, в его библиотеке есть несколько изданий сочинений Ломоносова, в дальнейшем он будет продолжать традиции русских ученых, обогащая сухие риторические правила живой водой философских понятий.

Курс риторики в школьной филологии XVIII в. сочетался с курсами грамматики и логики, составляя тривиум – «цикл языкового обучения в средневековой школе» [5. С. 6]. На таком схоластическом основании строились учебные руководства начала XIX в., авторы которых стремились «логически выстроить цельную систему искусств речи» [Там же. С. 7]. В этой системе риторика считалась главной наукой словесности и содержала правила искусного соединения мыслей и слов. В XVIII в. она решала задачи словесного творчества, создавала нормы построения речи, основанные на умении воплотить замысел в содержании высказывания. По словам В.П. Вомперского, риторика лежала в основе образования и оказывала влияние на формирование мировоззрения и духовного облика учащихся [4. С. 5]. Это позволяло через учебный предмет определять основные направления деятель-

ности общества. Никитенко еще в уездном училище познакомился с этими положениями, в его библиотеке сохранились традиционные учебники по риторике И.С. Рижского и Н.Ф. Кошанского.

Риторика неизменно включала в себя учение об изобретении, расположении и выражении мыслей, правила построения текстов и характеристику жанров прозаических сочинений. «Опыт риторики» (1809) И.С. Рижского разделяется на два рода красноречия: прозу и поэзию. «Прозаическому красноречию учит риторика, а стихотворческому – поэзия» [6. С. 10]. Противопоставление прозы и поэзии, под которой понималась вся художественная словесность, было связано с целевыми установками этих форм речи. Риторика описывает одно «истинное», а поэтика учит вымышлять, описывает «чистые вымыслы» [7. Ч. 1. С. 106]. При этом приоритет отдавался прозе: «Прозаик должен остерегаться стихотворческой вольности, не уходить от естественности. Прозаик говорит разуму, а поэт – воображению» [6. С. 338]. Таким образом, целью образованного человека являлось следовать определенным правилам в составлении своей речи, а художественное творчество отодвигалось на второй план, его целью было лишь приятное провождение времени.

Наиболее подробно постулаты традиционной риторики были отражены в учебнике «Общая риторика» Н.Ф. Кошанского (1830). Изобретение мыслей сводилось к распространению предложений с помощью «источников изобретения» (синонимов, эпитетов, обстоятельств). Расположение мыслей заключалось в практических упражнениях по составлению описания и рассуждения, «этих двух первоначальных родов всякого сочинения» [8. С. 13]. К примеру, в рассуждении обязательно доказывалась истина и отвергалась несправедливость. Рассуждение о выражении мыслей было посвящено слогу и его характеристикам. В целом риторика не имела прямого отношения к смысловому содержанию речи, она лишь предписывала правила составления текста и правила соответствия слога и стиля различным прозаическим жанрам. Учебник профессора русской и латинской словесности Царскосельского лицея Н.Ф. Кошанского, по сути, завершал эпоху риторики в ее традиционном виде. К 1830-м гг. назрел кризис риторики, ее границы не вмещали всех вопросов, которые были поставлены перед словесной наукой.

Никитенко в свою Вступительную лекцию включает основы красноречия, но не в традиционном виде. Он понимал, что в изменившихся условиях развития общества и риторики должна измениться, он пытался найти тот путь, который выведет ее на новый уровень осознания. Никитенко видел его в отказе от «одностороннего догматизма» и обращении к философскому осмыслению литературы [9. С. 546]. К теории изобретения и расположения мыслей Никитенко пытался применить философские категории: форму и содержание мышления.

Учение о соотношении формы и содержания искусства было важной частью эстетики и основополагающим для теории литературы, оно теоретически разрабатывалось и в классицизме, и в романтизме [10.

С. 58]. Категории формы и содержания мышления в работе Ф. Гегеля «Наука логика» приобрели философскую значимость. Обосновывая применение их к мышлению, Никитенко поставил для риторики практическую задачу: «...показать все возможные формы слова, коими всякая одушевленная мысль проявляет себя – вот первая задача Риторике» [11. С. 46]. Вторая задача – «...показать, в чем состоит дух или идея каждой из отраслей Красноречия...» [Там же. С. 47]. В своей преподавательской практике Никитенко следовал этим задачам, и это неизменно вело к более широкому философскому осмыслению явлений языка и литературы.

Отступлением от нормативной риторики стало сближение ее с поэтикой. Для Никитенко это было важно, в его библиотеке оказался труд А.С. Никольского «Основания российской словесности» (1807). Учение автора о словесности состояло из грамматики и риторики, в рамках риторики автор рассматривает искусство поэзии, при этом сохраняя их традиционную противоположность. Никольский подробно и оригинально характеризует основные поэтические жанры, он впервые дает высокую оценку творческому дару поэта: «По воле его все переменяется в природе...» [7. Ч. 2. С. 107]. Учебник А.С. Никольского имел большое значение, до этого риторика и пиитика мыслились совершенно по-разному: риторика как словесная дисциплина, а пиитика как часть искусства. Объединению их под общим понятием литературы способствовали также труды Н.И. Греча, в длинном заглавии его пособия заложена суть системы: «Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории российской словесности» (1830). Понятие литературы рассматривалось Н.И. Гречем в эстетике наряду с другими искусствами, он сближает литературу со словесностью, объединяя в ней красноречие, историю и поэзию. По его словам, «литература народа – это все его произведения в словесности, написанные стихами и прозой» [12. Ч. 4. С. III]. Автор разделяет поэзию на лирическую, эпическую и драматическую, добавляя еще описательную (сельская поэма, идиллия) и дидактическую (сатира, басня, притча). Описание каждого рода поэзии сопровождается обширным литературным материалом.

Никитенко в своих теоретических работах вместо привычного понятия словесности перенимает от Н.И. Греча обобщающее понятие – «литература», которая включает в себя красноречие и поэзию (область разума и область сердца). Среди трех родов литературы (эпос, лирика, драма) Никитенко отдает предпочтение лирической поэзии, которая представляет собой воплощение понятия изящного как «высочайшей идеи совершенства» [11. С. 30].

В начале XIX в., в эпоху готовящихся реформ Александра I и общественных преобразований, западная наука стала привлекать пристальное внимание русского общества. В России стали появляться учебные руководства с привлечением достижений западноевропейской науки, они представляли собой компиляцию сведений из разных областей гуманитарного

знания: логики, грамматики, риторики, эстетики и т.д. В России стали популярны учения И. Канта, Эшенбурга, Ф. Шеллинга, Ф. Гегеля. В библиотеке Никитенко сохранились труды И. Винкельмана, К. Бахмана, Ф. Ансильона, Д. Велланского, Ф. Гегеля. Изучение их привело Никитенко к усвоению категорий эстетики, которые сложились в систему под влиянием философии.

В 1820-е гг. зарождается понятие «теория словесности» [5. С. 13]. Время перемен совпало с периодом активного становления А.В. Никитенко как теоретика словесности, из множества учебных пособий того времени он отбирал наиболее значимые для него и сохранил их в своей библиотеке. Это труды А.С. Никольского, Я.В. Толмачева, Л.Г. Якоба, Н.И. Греча, И.И. Давыдова, В.Т. Плаксина и др.

Понятие о знаковой природе слова и его свойствах заимствовало из курса всеобщей грамматики. В своем труде «Курс философии для гимназий» Л.Г. Якоб целый раздел посвящает всеобщей грамматике, в которой язык характеризуется через понятие знака, т.е. «чувственный предмет, служащий только средством к представлению частных понятий или признаков в отвлеченности» [13. Ч. 2. С. 15]. Концепция Якоба основывалась на эстетике Канта и приводила к формализму. Понятие знака имеет место и в учебнике профессора Санкт-Петербургского университета Я.В. Толмачева «Правила словесности, руководствующие от первых начал до высших совершенств красноречия» [14]. Он включил в него перевод труда «Опыт о происхождении человеческих знаний» французского просветителя Э. Кондильяка, основой философии которого была мысль о знаковой природе языка. В восприятии Я.В. Толмачева основной пафос учения французского философа состоит в том, что слово – это воплощенная мысль, которая может быть изображена разными средствами, и одно из средств – буквы, «видимые знаки мысли» [14. С. 9]. Идеи, не соединенные со знаками, не дают ясного знания. Кондильяк считал, что мышление невозможно без языка. Это приводило к первым проявлениям формализма в русской эстетике.

Никитенко изучил труды Л. Якоба и Я. Толмачева, свои размышления о природе литературы он начинает с понимания слова как знака, образа: «Мы не можем себе представить мысли без этого облика, который служит ей плотью», – говорит Никитенко [11. С. 7]. С другой стороны, он выражает желание «...передать другим не звуки, но в звуках полноту внутренней жизни» [Там же. С. 9]. Преодолеть формализм Никитенко пытается, включив в поле своих рассуждений идеи немецкого лингвиста и философа Вильгельма фон Гумбольдта, которые были известны уже в 1820-х гг. Гумбольдт обратил внимание на содержательную сторону языка и открыл диалектический взгляд на языки народов, основывая тем самым общее языкознание. Два подхода, грамматический и содержательный, отражены в лекции Никитенко: «Есть два способа изучения языка: один состоит в познании механизма его, другой в познании его духа или гения» [11. С. 10]. Гумбольдт видел в языке «беспрерывную деятельность духа», связанную с понятием народа. Он

писал: «Язык и духовная сила народа развиваются не отдельно друг от друга и не последовательно... а составляют исключительно и нераздельно одно и то же действие интеллектуальной способности» [15. С. 10]. А.В. Никитенко применил идеи Гумбольдта к русскому языку: «...элементы народного образования сообщают и языку народа особенный характер, составляют из него отдельную систему» [11. С. 10]. Он говорил о необходимости изучать дух отечественного языка, который «проявляется в изображении внутренней жизни народа» [Там же. С. 12].

Включением в круг источников развития идей В. Гумбольдта Никитенко расширяет свой взгляд на словесность, ставит ее в контекст мировой современной мысли. Позже, когда будет издан перевод на русский язык книги Гумбольдта «О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода» (1859), Никитенко получит ее в дар с автографом переводчика П. Билярского с благодарственной надписью «...за содействие к изданию этого труда». Очевидно, профессор и цензор имел возможность поддерживать издание книг, которые он считал нужными и полезными. Никитенко сделал в книге ряд важных помет – вероятно, в связи с подготовкой к печати очерка о значении М.В. Ломоносова (1865), а также теоретической работы «Мысли о реализме в литературе» (1872). Осмысление народности и отечественной истории будет всегда актуально для Никитенко.

Таким образом, идеи Никитенко сформировались в ситуации постепенно складывающейся теории словесности. Риторика отходила на второй план, однако еще мыслилась им как необходимая наука. Структура словесности (литературы) включала поэтику, и это была поэтика и эстетика классицизма. Так, И.И. Давыдов разработал университетский курс «Чтения о словесности» (1837), в который включил перевод основных положений британского эстетика-классициста Хью Блэра по риторике и изящной словесности. Уже упомянутый учебник Я.В. Толмачева во 2-й части содержал нормативную риторику, а в 3-й и 4-й частях («О слоге и различных родах прозы») представлял компиляцию из разных учений, составляющих основу поэтики классицизма. Автор много цитирует Блера, Баттё, Мармонтеля, Лагарпа, приводит примеры из античных произведений Аристотеля, Квинтилиана, Лонгина и др.

В студенческие годы (1825–1828) Никитенко посещал курс Я.В. Толмачева и активно изучал эстетику и поэтику классицизма. В его библиотеке сохранились труды крупнейших теоретиков-классицистов в переводах на русский язык с пометами Никитенко – Ж. Лагарпа, Ш. Баттё, Мармонтеля. Пометы и записи на полях свидетельствуют о полемическом отношении Никитенко к основным позициям классицизма. Так, в 4-м томе учебника Толмачева отмечено место: «Слово есть воплощенная мысль: посему объясняя, украшая, усовершеншая выражения, придаем через то самое и мыслям ясность, красоту и совершенство». На полях Никитенко записывает: «Наоборот, мысли сообщают красоту слову, надобно только уметь выразить прекрасную мысль» [14. Ч. 4. С. 2]. Приоритет

формы (слова) противопоставляется приоритету содержания (мысли).

В библиотеке Никитенко сохранился труд Шарля Баттё «Начальные правила словесности», который является переложением на русский язык «Приципов литературы» Баттё. В предисловии переводчик Д. Облеухов указывает, что «осмелился несколько переменить сие сочинение», однако сути учения это не изменило [16. Т. 1. С. 11].

Шарль Баттё – один из значительных французских теоретиков литературы. В его теории нашли отражение основные идеи классицизма, и, прежде всего, аристотелевская теория подражания природе. Несколько помет Никитенко встречаются в рассуждении VI «О Лирической поэзии». К примеру, в части о исступлении Лирической поэзии автор пишет: «Сие чувство... существует в человеке, ощущаемом оное по самой действительности своего состояния; но только тогда, когда оно находится в Артисте, поэте, живописце, музыканте; когда оно происходит от воображения, искусственно разгоряченного предметами, кои оно представляет себе во время сочинения» [16. Т. 3. С. 232]. Никитенко отметил это место и поставил знак вопроса. Под исступлением понималось творческое состояние художника, и здесь таилось разделение между классицистами и романтиками. Баттё «...отвергал трактовку творческого состояния художника как мистического, экстатического», по его мнению, допустимо лишь «живое представление предмета в уме и сердечное движение, соответственное сему предмету» [10. С. 20]. Известно, что у романтика В.А. Жуковского, который переводил «исступление» как «энтузиазм», по поводу этого места было совсем другое мнение. В своем конспекте он писал: «Почему ж только в артисте?... Всякое живое чувство, исключительно привязывающее нас к какому-нибудь предмету, есть энтузиазм» [17. С. 105]. Никитенко больше тяготел к романтической традиции, поэтому и отметил это противоречие. Пометы Никитенко в целом свидетельствуют о его особом внимании именно к жанру лирической поэзии.

Никитенко пытался осмыслить теорию классицизма, об этом свидетельствуют книги его библиотеки и пометы в них. Привлекает внимание труд С.П. Шевырева «Теория поэзии», в которой автор разобрал творчество Ш. Баттё «ученым образом, без обычного тона пренебрежения» [18. С. 155]. Никитенко отметил знаком NB место о противоречии в началах идей Баттё и Бахмана: «Баттё говорит, что поэзия есть подражание изящной природе словами; Бахман – что поэзия есть изображение идеи прекрасного словами...» [Там же. С. 167]. Сам Никитенко, критикуя классицизм, пытался объективно оценить его роль следующим образом: «Могущественное влияние Классической словесности на словесности новейших народов произвело благие последствия: оно дало ей художественное направление, распространило в ней идею законности и определенительность формы постановило необходимым условием ее совершенствования» [Там же].

Однако далее он развивает свою мысль: «Но то, что должно было только возбуждать и питать новую литературу, сделалось для нее игом. Возникли школы,

которые в произведениях искусства не видели жизни, а только внешнюю отделку, которые с мелочной заботливостью всякую идею в словесности призывали к суду Аристотеля, Цицерона, Горация и Квинтилиана» [9. С. 527].

Освоению теории классицизма способствовало также чтение Ж. Лагарпа. В библиотеке Никитенко находится «Ликей или круг словесности древней и новой» французского критика в переводе на русский язык (1810–1814). Шевырев называет Лагарпа критиком национальным, а его лекции – живой картиной «сокровищ литературных», и хотя Лагарп не написал своей теории, он «применил к делу» начала теории классической [18. С. 181]. Пометы Никитенко встречаются в 1-м томе в главе «Рассмотрение пиитики аристотелевой», они касаются в основном природы трагедии и театрального искусства. Пометы в 3-м томе касаются рассмотрения риторических наставлений Квинтилиана. Отсюда следует, что Никитенко использовал трактат Лагарпа в учебных целях, однако именно этот труд оказался решающим в отношении к классическим образцам. В дневнике Никитенко за 1831 г. есть запись, ярко отражающая результат его знакомства с произведениями классической литературы: «Читаю курс литературы Лагарпа. Какой он раб Аристотеля! Аристотель, Баттё, Блер, Лагарп – все эти господа рассуждают о литературе как о каком-то ремесле. Вот так и изготовляются сочинения: трагедии, комедии, речи и проч., как башмаки, платья, мебель. Они не смотрят на словесное произведение как на проявление духа человеческого, стремящегося ко всестороннему развитию в истинном, благом и изящном» [19. С. 102, 103].

Нужно отметить, что Никитенко осваивал и художественные тексты классицизма, в его библиотеке есть такие произведения, как трагедия «Федра» Расина (1823), «Велисарий» Мармонтеля (1818) с пометами Никитенко, а также большой пласт античной классики – произведения Аристотеля и Платона, Софокла, Горация и Пиндара, риторические сочинения Квинтилиана и Цицерона в переводах на русский язык. Очевидно, что к 1831 г. складывается определенное отношение Никитенко к теории классицизма и её основному принципу подражания природе. С. Шевырев пишет, что у Лагарпа везде проглядывает «...начало подражания, доведенное до крайности, до подделки под природу» [18. С. 185]. Никитенко доводит свою мысль о принципе подражания до обобщения: «Правило: подражай природе, относится к самой низкой стороне искусства и заключает в себе лишь малейшую часть его. Это то, что мы читаем в пиитиках и риториках в статье о правдоподобию» [19. С. 102, 103]. Но он идет дальше, предлагает новые основания для творчества. «Другими словами сказать: пиши для человека по-человечески. Но без идеалов нет изящных искусств. А если бы они и были без них, то не много оказали бы услуг человеку» [Там же]. Данные слова свидетельствуют об идеалистических взглядах Никитенко. «Нашему веку предоставлена честь возвратить поэзии права ее, то есть показать, что она есть жизнь, и лучшая жизнь человеческого сердца, и что ее назначение не суетная забава праздных людей, но

пробуждение в человеке всего божественного, положительное, прямое развитие всего благородного в его душе» [Там же].

Материалы библиотеки А.В. Никитенко свидетельствуют о серьезном процессе усвоения нормативной риторики и классической поэтики и отталкивания от них в поисках новых путей развития литературы. Опираясь на достижения своих предшественников в области риторики и теории словесности, Никитенко искал новые основания для построения университетского курса литературы, этими основаниями стало включение в науку о словесности идей философской эстетики. Нормативность и схоластика ощущались им как тормоз в осмыслении словесности как «проявления духа человеческого». В Дневнике Никитенко даже писал о противодействии в университете «всякому нечистому духу в ученом и нравственном отношении», когда он и П.А. Плетнев давали друг другу слово «бить, сколь возможно, схоластику» [19. С. 147].

В 30–40-х гг. XIX в. отсталость нормативной риторики обсуждалась в журнальных рецензиях. Наиболее резко высказывался В.Г. Белинский: «Всякая риторика есть наука вздорная, пустая, вредная, педантская, остаток варварских схоластических времен...» [20. С. 34]. С середины XIX в. вслед за рито-

рикой подверглась критике вся теория словесности, которая «...трактовалась как схоластика, не соответствующая научным понятиям своего времени» [5. С. 30]. Художественная литература стала признаваться главной областью словесности, разрушение традиционной системы привело к возникновению фундаментального языкознания и литературоведения. В этот период А.В. Никитенко написал две работы актуального содержания: докторскую диссертацию «О творящей силе в поэзии, или О поэтическом гении» (1836) и «Речь о необходимости теоретического или философского исследования литературы» (1837). В них он обосновывает свои взгляды на изучение литературы с позиций эстетической мысли и философских категорий.

Таким образом, материалы библиотеки А.В. Никитенко, его дневниковые записи и теоретические работы позволяют говорить о том, что он стремился к философскому взгляду на теорию словесности. Включение в пространство своей рефлексии идей западных представителей передовой научной мысли (Вильгельма Гумбольдта и Ф. Гегеля) позволило ему «встать с веком наравне». Формируя свою теорию словесности, он активно внедрял проблематику философской эстетики в практику университетского преподавания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Манн Ю.В. Русская философская эстетика (1820–1830-е годы). М., 1969.
2. Аннушкин В.И. Русская риторика: исторический аспект : учеб. пособие. М., 2003.
3. Безлепкин Н.И. Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии. СПб., 2002. 272 с.
4. Вомперский В.П. Риторика в России XVII–XVIII вв. М., 1988.
5. Зарифьян И.А. Теория словесности. Библиография и комментарий. М., 1990.
6. Рижский И.С. Опыт риторики. М., 1809.
7. Никольский А.С. Основания Российской словесности (для морских училищ). СПб., 1807.
8. Кошанский Н. Общая риторика. Издание второе. Санкт-Петербург: При Императорской Академии наук, 1830.
9. Никитенко А.В. Речь о необходимости теоретического или философского исследования литературы // ЖМНП. 1837. № 3 (март).
10. Русские эстетические трактаты первой трети XIX в. : в 2 т. / ред. кол. М.Ф. Овсянников и др.; сост., вступ. ст. и прим. З.А. Каменского. М., 1974. Т. 1.
11. Никитенко А.В. Вступительная лекция российской словесности. СПб., 1833.
12. Греч Н.И. Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории российской словесности. СПб., 1819–1822. Ч. 1–4.
13. Якоб Л.Г. Курс философии для гимназий Российской империи, сочиненный Доктором Лудвигом Генрихом Якобом. Изданный от Главного Правления училищ. СПб., 1812.
14. Толмачев Я.В. Правила словесности, руководствующие от первых начал до вышних совершенств красноречия, в четырех частях. Сочинение Якова Толмачева. СПб. : В Морской Тип. 1814–1822.
15. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем ; общ. ред. Г.В. Рамишвили. М., 2000.
16. Баттё Ш. Начальные правила словесности / пер. с франц. Д. Облеухова. В 4 ч. М., 1806–1807.
17. Библиотека В.А. Жуковского в Томске / отв. ред. Ф.З. Канунова; ред. Н.Б. Реморова, Э.М. Жилиякова. Томск, 1984. Ч. 2
18. Шевырев С.П. Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. М., 1836.
19. Никитенко А.В. Дневник в 3 т. Т. 1 (1826–1857) / под ред. Н.Л. Бродского; вступ. ст. И.Я. Айзенштока. Л., 1955.
20. Белинский В.Г. Отечественные записки за 1845 год. Т. 38, № 1, отд. 6.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 сентября 2014 г.

A.V. NIKITENKO AS A THEORIST OF RUSSIAN LITERATURE (ON THE MATERIALS OF PROFESSOR'S LIBRARY)

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 5–10. DOI 10.17223/15617793/390/1

Goncharova Natalia V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Nauchka@mail.ru

Keywords: theory of literature; normative rhetoric; classicism; poetics; philosophical aesthetics; A.V. Nikitenko.

Alexander Nikitenko (1804–1877) was a Professor of Literature University of St. Petersburg, literary historian and censor. In the transition period from the scholastic rhetoric of the 18th century, using foreign and native achievements, he created courses on the theory and history of literature, and philosophy of language. In this article an attempt is made to trace the process of assimilation and repulsion from the normative rhetoric and classical poetics influenced by the ideas of philosophical aesthetics and philosophical understanding of the phenomena of language, based on the material of the personal library of A.V. Nikitenko. The mastering of works on rhetoric and theory of literature became the first stage for Nikitenko's professional work. In the book collection the whole body of

texts is preserved, based on which it is possible to follow how his ideas about this science were formed. Tutorials from the end of the 18th – early 19th centuries were built on the basis of rhetoric. Nikitenko mastered and preserved in his library traditional textbooks on rhetoric by authors I.S. Rizhskiy and N.F. Koshanskiy. In his Inaugural lecture Nikitenko tried to rethink the problems of rhetoric from the point of view of the correlation of the philosophical categories of form and content. Tutorials by A.S. Nikolsky and N.I. Grech contributed to the rise of poetry and to the rethinking of the structure of literature as science. At the beginning of the 19th century, in the era of the upcoming reforms of Alexander I and social transformation, Western science began to attract intent attention of Russian society. In Russia, tutorials began to appear that used the achievements of Western European science; they were compilations of information from different areas of liberal knowledge: logic, grammar, rhetoric, aesthetics. The first manifestations of formalism in Russian aesthetics found expression in works of L. Jakob, who based on the teachings of Kant. To overcome formalist tendencies, A.V. Nikitenko used the discovery of W. Humboldt in the field of linguistics. In his student years, Nikitenko actively studied the aesthetics and poetics of classicism. In his library, works were preserved of the major theorists-classicists (J.-F. La Harpe, Ch. Batteux, J.-F. Marmontel) in Russian translation with Nikitenko's marks. The marks and comments on the margins of pages attest to Nikitenko's polemic attitude to the basic positions of classicism. By 1831 Nikitenko forms the critical attitude to the classicism theory and its basic principle of imitation of nature. The materials of A.V. Nikitenko's library indicate the serious process of adoption of normative rhetoric and classical poetics and repulsion from them in the search for new ways of literature development. Basing on the achievements of his predecessors in the field of rhetoric and theory of literature, Nikitenko was looking for new bases for the creating of a university course in literature; these bases were the inclusion of the ideas of philosophical aesthetics in the science of literature.

REFERENCES

1. Mann Yu.V. *Russkaya filosofskaya estetika (1820–1830-e gody)* [Russian philosophical aesthetics (1820-1830s)]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1969. 304 p.
2. Annushkin V.I. *Russkaya ritorika: istoricheskiy aspekt* [Russian rhetoric: the historical aspect]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2003. 397 p.
3. Bezlepkin N.I. *Filosofiya yazyka v Rossii: K istorii russkoy lingvofilosofii* [Philosophy of language in Russia: on the history of Russian linguophilosophy]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb Publ., 2002. 272 p.
4. Vomperskiy V.P. *Ritoriki v Rossii XVII–XVIII vv.* [Rhetoric in Russia in the 17th-18th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 180 p.
5. Zarif'yan I.A. *Teoriya slovesnosti. Bibliografiya i kommentariy* [Theory of Literature. Bibliography and commentary]. Moscow: Znanie Publ., 1990.
6. Rizhskiy I.S. *Opyt ritoriki* [Experience of rhetoric]. Moscow: Univ. tip. Publ., 1809. 381 p.
7. Nikol'skiy A.S. *Osnovaniya Rossiyskoy slovesnosti (dlya morskikh uchilishch)* [Foundation of the Russian literature (for maritime schools)]. St. Petersburg, 1807. 218 p.
8. Koshanskiy N. *Obshchaya ritorika* [General rhetoric]. St. Peterburg: Pri Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1830.
9. Nikitenko A.V. Rech' o neobkhodimosti teoreticheskogo ili filosofskogo issledovaniya literatury [On the need of a theoretical or philosophical research of literature]. *ZhMNP*, 1837, no. 3 (March).
10. Ovsyannikov M.F. (ed.) *Russkie esteticheskie traktaty pervoy treti XIX v.* [Russian aesthetic treatises of the first third of the 19th century]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1974. 408 p.
11. Nikitenko A.V. *Vstupitel'naya leksiya rossiyskoy slovesnosti* [The introductory lecture on Russian literature]. St. Petersburg, 1833.
12. Grech N.I. *Uchebnaya kniga rossiyskoy slovesnosti, ili izbrannye mesta iz russkikh sochineniy i perevodov v stikhakh i proze s prisovokupleniem kratkikh pravil ritoriki i piitiki i istorii rossiyskoy slovesnosti* [Textbook of Russian literature, or selections from Russian essays and translations in verse and prose with brief rules of rhetoric and poetics, and the history of Russian literature]. St. Petersburg, 1819–1822. Parts 1–4.
13. Jakob L.H. *Kurs filosofii dlya gimnaziy Rossiyskoy imperii* [Philosophy course for high schools of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1812.
14. Tolmachev Ya.V. *Pravila slovesnosti, rukovodstvuyushchie ot pervykh nachal do vyshnikh sovershenstv krasnorechiya, v chetyrekh chastyakh* [Rules of literature, guidance from the first beginnings to the highest perfection of eloquence, in four parts]. St. Petersburg: Morskaya Tip. Publ., 1814–1822.
15. Humboldt W. von. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Translated from German by G.V. Ramishvili. Moscow: Progress Publ., 2000. 400 p.
16. Batteux Ch. *Nachal'nye pravila slovesnosti* [Basic rules of literature]. Translated from French by D. Obleukhov. Moscow: Univ. tip. Publ., 1806–1807. Parts 1–4.
17. Kanunova F.Z. (ed.) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske* [Library of V.A. Zhukovsky in Tomsk]. Tomsk: TSU Publ., 1984. Pt. 2, 559 p.
18. Shevyrev S.P. *Teoriya poezii v istoricheskom razvitii u drevnikh i novykh narodov* [Theory of poetry in the historical development of the ancient and new peoples]. Moscow, 1836.
19. Nikitenko A.V. *Dnevnik v 3 t. T.1 (1826–1857)* [Diary in 3 vols. V. 1 (1826-1857)]. Leningrad: Goslitizdat Publ., 1955. 650 p.
20. Belinskiy V.G. *Otechestvennye zapiski za 1845 god* [Notes of the Fatherland for 1845]. Vol. 38, no. 1, section 6.

Received: 23 September 2014